

**Татьяна
Владимировна
Кондольская
(1941–1998)**

кандидат филологических наук, доцент

Татьяна Владимировна Кондольская была в той «пятерке» преподавателей, с кем наш первый ректор Максим Матвеевич Загорулько пришел из пединститута, чтобы создать университет. И она осмелилась на этот шаг во многом начинать заново не из-за какого-то «героического дерзания созидать», а, как говорила об этом сама, потому, что хотела заниматься литературой и в науке, и в преподавании, тогда как в «педе» все сводилось к обучению немецкому языку и лингвистическим лекционным курсам. До этого были филологический факультет МГУ по специальности романо-германской филологии, и аспирантура при этом факультете. За этими фактами – лекции значительных ученых А.Ф. Лосева, Л.Г. Андреева, А.В. Карельского, научное руководство Л.С. Дмитриева. Во многом это предопределило личный и профессиональный выбор Татьяны Владимировны.

Наша первая встреча пришлась на начало 1985 года, когда я приехал из Ярославля работать в Волгоградском университете. Ровность поведения, открытая доброжелательность, но и сдержанность, оттенки легкой иронии, подкупающая простота в общении, чувство такта, интеллигентность в человеческом и высоком – преждем – смысле этого слова – пожалуй, это те впечатления, возникшие при первом общении с Татьяной Владимировной, свойства характера, оставшиеся неизменными на протяжении последующих чуть более тринадцати лет.

Возможно, мои «первые впечатления» подкорректированы временем, но глубинно остался в памяти один мелкий, но не случайный факт из нашего первого разговора: «Вы знаете, Валерий Александрович, сейчас читаю “Жизнеописания” Плутарха [только что вышло новое издание в “Литературных памятниках”], с наслаждением и комментариями С. Аверинцева. Мечтаю побыстрее приехать домой [а времени было около десяти после занятий на вечернем отделении] и до сна хоть немного почитать».

Вторая половина 80-х – бурное, сверхнасыщенное и напряженнейшее время в жизни университета. Для обычных преподавателей, какими мы с Татьяной Владимировной были, – это занятия с редкими «свободными» днями на трех отделениях (очном, вечернем, заочном) с раннего утра до позднего вечера, курсовые и дипломные работы, приемные экзамены в университет, открытые занятия и взаимопосещения, поездки в колхоз, работа на строительстве общежития и корпуса «А», лекции в школах и институте усовершенствования учителей, литературные мероприятия со студентами, кураторство, неиссякаемые мелкие поручения, текучка вузовской суеты, неустроенность университетского быта. Не объяснить, каким образом, но успевали читать новинки современной литературы, делиться впечатлениями и обсуждать, следить за научной жизнью России и Запада, говорить о «новом» и «старом» в литературоведении,

писать статьи, учебно-методические пособия и публиковаться. Столь трудно жили все преподаватели нашей кафедры литературы и журналистики: «под эгидой» В.Б. Смирнова переживали становление нашего кафедрального сообщества. В этой «суровой» ситуации университетской жизни каждый из кафедралов раскрывался по-своему. Взаимопонимание было присуще всем. Татьяна Владимировна как-то особо, непредвзято и незаметно умела смягчить напряжение вниманием, иронией – человеческим и женским теплом. Не случайно Р.А. Овсянникова (ближайшая приятельница Татьяны Владимировны из университетских кругов) называла ее «дипломатом». Это ее свойство было не столько рассудочным («головным», как говорил Достоевский), а шло изнутри.

Татьяна Владимировна пришла в отечественную науку в то время, когда пробудился живой и острый интерес к романтическому искусству. Это была пора переосмысления основ исследовательских принципов и подходов, открытия эстетической и художественной ценности творчества романтиков. И никогда (если только в ироническом смысле) в обиходе Татьяны Владимировны, не говоря уже о статьях или лекциях, не было «антагонистических» – в духе заидеологизированного советского литературоведения – понятий «реакционного» и «прогрессивного» романтизма. Ее кандидатская диссертация «Идейно-художественная специфика романов Ахима фон Арнима» – значительное исследование в одном из направлений современной научной мысли. Любовью к немецкому романтизму Татьяна Владимировна жила всю свою жизнь и как исследователь разрабатывала эти проблемы в целом ряде научных работ, опубликованных в центральных и местных изданиях. Лучшие из них – «Ахим фон Арним “Хранители короны” (к вопросу о сюжетосложении)»; «Публицистические элементы в содержании и структуре немецкого романтического романа»; «Мотив детства в литературе Просвещения и романтизма»; «Эволюция героя в немецком романтическом романе (Новалис – Арним – Гофман)»; «Поэт и поэзия в романтическом романе Арнима и Эйхендорфа».

Есть необходимость обратиться к одной из статей Татьяны Владимировны, что-

бы понять и почувствовать ее исследовательский почерк. Точность мысли, логическая завершенность, непростая простота выражения и чувство слова – за этим богатый опыт научной работы, уверенность и зрелость исследователя.

«В творчестве Гофмана, – писала Татьяна Владимировна в статье “Эволюция героя в немецком романтическом романе”, – синтезирующем философские и эстетические искания немецкого романтизма, образ художника вновь становится сквозным, в нем концентрируются представления писателя об идеальной человеческой личности. Но это происходит как бы на новом витке спирали.

Гофмановский “энтузиаст” и музыкант изначально трагическая фигура. Глубокая пропасть отделяет его от мира сытых, самодовольных филистеров, пусть порой и не лишённого уютного очарования. Сквозь покров этого очарования проступает у Гофмана мертвящая власть быта, вещей, всей механической цивилизации над душой человека».

Это тот уровень, который постоянно проявлялся и в преподавательской работе Татьяны Владимировны. Слышу до сих пор ее негромкий, спокойный и ровный голос лектора, он сочетался с убедительным изложением материала; никаких эффектов и игры с аудиторией. Говорила ли Татьяна Владимировна о Гофмане, об античной трагедии или об английском викторианском романе, нельзя было не почувствовать мягкой, а подчас и лукавой, иронии в интонации – ее манера говорить, но и форма общения с аудиторией, которую благодаря ироническому острашению Татьяна Владимировна вовлекала в активное восприятие лекции... Пожалуй, в этой связи стоит вспомнить один факт. На одном филологическом капустнике студенты задали преподавателям провокационный вопрос, любят ли они студентов. Ответ Татьяны Владимировны: «Люблю всех студентов, но особенно тех, кто любит немецкий романтизм».

И в юности, и в последующие десятилетия Татьяна Владимировна принадлежала к поколению «оттепели» и «шестидесятников». Его ощущению приоткрывшейся свободы, его интеллектуальному воодушевлению, его чувству обновления в художественной культуре. Это проявлялось постоянно в открытости Та-

тьяны Владимировны всему живому, неординарному и настоящему в творчестве. В особенности это стало очевидным на рубеже 80–90-х годов, в перестроечное время, когда все то, что прежде читали в столичных библиотечных спецхранах, в самиздате и в оригинале, оказалось доступным. Всех имен, конечно, не перечесать, да и необходимости нет. Переклюкались с «Детей Арбата» А. Рыбакова, «Улисса» Дж. Джойса, философских работ Ф. Ницше и Н. Бердяева, лирики И. Бродского к творчеству М. Булгакова и романам В. Набокова, М. Кундеры, к прозе, поэзии и мемуаристике русского зарубежья. А особой расположенностью к Б. Окуджаве, глубоким чувством понимания Татьяна Владимировна жила постоянно.

Не в меньшей мере вызывал интерес «перестроечный» кинематограф. Думаю, всем кафедрам памятен наш «клуб»: чуть ли не каждую неделю ходили в кинотеатры. Смотрели заново и пересматривали. Специальных обсуждений не организовывали, но постоянно (после фильмов, в университете, на домашних встречах, прогулках) говорили о «Земляничной поляне» И. Бергмана, «Амаркорде» Ф. Феллини, «Покаянии» Т. Абуладзе, «Скорбном бесчувствии» А. Сокурова, «Декамероне» П.-П. Пазолини и, конечно, о фильмах А. Тарковского. И неизменно в центре (добавлю – и как организатор) была Татьяна Владимировна. Жили в ту пору удивительной жадностью к множеству открывшихся фактов из советских десятилетий, равно как и из прошлого и настоящего Запада. И разумеется, постоянно делились всем новым друг с другом, обсуждали, не соглашались. Но не было всеядности, расхожей страсти к «изюминкам».

В этот период я еще раз убедился в особом эстетическом вкусе Татьяны Владимировны, которая откликалась на все новое в мировидении и художественной форме, но ей был близок не эксперимент, а традиционная уравновешенность смысла, содержания и их форм, единство эстетического и нравственного. Это вызывало доверие к ее личному чувству подлинного в творчестве, доверие к ее личной высокой культуре восприятия произведений искусства.

Любовь Татьяны Владимировны к литературе, умение жить в ней настоящим наслаж-

дением – это одновременно и ее любовь к жизни в разных ее – больших и малых – проявлениях. От глубокой заботливой любви к внучке Лизоньке до радостного наслаждения природой. Иной раз, и неизменно пробуждающейся весной, мы прогуливались в окрестностях университета, дышали свежестью молодой зелени. Татьяна Владимировна часто собирала в пакетик полынь, чабрец, пижму или набирала букетики разнотравья, при этом говоря: «Люблю, чтобы дома пахло травами». И не менее памятен для меня один случай из середины 90-х. Мы постоянно обменивались с Татьяной Владимировной новинками, и она как-то сказала мне, что хочет прочитать что-нибудь хорошее из последних произведений – нет ли чего в «Иностранной литературе». Предложил на выбор два-три романа. Татьяна Владимировна остановилась на «Профессоре Криминале» Малколма Брэдбери, который я сам из-за текучки в этот момент еще не прочел. А через день или два Татьяна Владимировна мне рассказывала: «В тот день, когда вы принесли мне роман Брэдбери, я устроила себе праздник. По пути домой купила себе плитку шоколада и удивительный букет сирени. Поставила цветы в вазу на журнальном столике, сварила кофе, села в свое любимое кресло и начала читать. “Профессор Криминале” захватил сразу. Дома никого не было, и я, не отрываясь от журнала и наслаждаясь всем, дочитала до конца. Вот такой неожиданно радостный и светлый день»...

Татьяна Владимировна привлекала к себе проницательностью и чуткостью к другим. Не случайно студенты одного из первых университетских выпусков, при получении дипломов награждая преподавателей «своими» медалями, вручили ей с надписью «Самой доброжелательной». Из множества фактов самым памятным для меня остается один. Я представил на кафедру для обсуждения текст своей «докторской» монографии. Каждому понятно ожидание и волнение, но из-за вечной нашей занятости Татьяна Владимировна не могла «побыстрее» ее прочитать, а вскоре уехала в Урюпинск проводить занятия в подопечном гуманитарном институте. Среди дня неожиданный телефонный звонок. Голос Татьяны Владимировны: «Валерий Александрович, часа три назад приехала из

Урюпинска, с порога бросила сумку и села дочитывать вашу рукопись. Только что закончила. Кое-что в работе не совсем поняла, но об этом поговорим позже. Монография очень значительная, многое для себя узнала, надо срочно публиковать и защищаться».

Мы с Татьяной Владимировной принадлежали разным научным школам: московской и петербургской. Но это никогда не препятствовало возникшему с первого знакомства взаимопониманию, человеческому и профессиональному. Конечно, не следует идеализировать эти взаимоотношения. Были и несогласие, и расхождения, и ощущение непонимания. Но это безболезненно для каждого из нас разрешалось. Скорее всего благодаря тому,

что это не касалось существа нашего взаимопонимания, взаимного уважения и доверия. Существо наших отношений проявилось прежде всего в общей работе зарубежных коллег. Речь, разумеется, не о компромиссах. Благодаря единству требований, принципов преподавания, отношению к своему делу удалось создать слаженную систему изучения истории зарубежных литератур в новом классическом вузе – в Волгоградском университете...

Писать о близких тебе людях, будто говорить о себе, – не просто... И хотя осознаешь определенную субъективность всех этих воспоминаний и суждений, думается, такой была, такой живет в памяти Татьяна Владимировна...

*Валерий Пестерев,
профессор*

Продолжение следует...